

ни 'золотой', *дас* 'десять', *сюрс* 'тысяча', *тульис* 'весна', *ар* 'осень'. При рассмотрении конкретной истории коми языка автор касается неологизмов и архаизмов, заимствований, топонимов и т. п.

Во втором разделе рассматриваются пути развития коми литературного языка, использование писателями фольклорных языковых богатств; конкретный анализ подкреплен примерами из произведений поэтов И. Куратова (XIX в.), В. Лыткина (первая половина XX в.), В. Попова (наши дни).

В разделе о звуках анализируются своеобразия использования в коми языке согласных и гласных, закономерности их употребления в таких словах, как *йи* 'лед', *ки* 'рука', *төв* 'зима', *ыж* 'овца', *лун* 'день', *вой* 'ночь'. Указывается специфика коми дифтонгов и долгих согласных.

Е. А. Игушев уделяет внимание и особенностям конкретных фольклорных и литературных стилей.

В конце книги читатели знакомятся с историей возникновения и бытования отдельных слов и выражений, например, *коми* 'коми', *морт* 'человек', *роч* 'русский', *керка* 'изба', *одзос* 'дверь', *ошинь* 'окно', *пач* 'печь', *чери* 'рыба', *сюра-тошка мужик* 'выдавший виды мужик-человек'.

Подобного рода занимательные научно-популярные издания о коми языке появлялись весьма редко. Можно, пожалуй, назвать лишь научно-популярную книгу о коми топонимии А. И. Туркина «Кни ми олам» (Сыктывкар 1981), книжку А. Н. Ракина о коми фитонимах. Недоработанностью принципов подготовки и издания научно-популярных публикаций об особенностях и различных сторонах истории и современного состояния коми языка объясняются и некоторые досадные недочеты в книге Е. А. Игушева. Не все разделы написаны на достаточно высоком теоретическом уровне. Мало внимания уделено морфологическим особенностям коми языка. Следовало глубже рассмотреть проблемы стилистики коми языка, особенности языковых форм.

Отмеченные недостатки отнюдь не снижают значения рецензируемой книги. Она адресована студентам филологических факультетов вузов, учителям родного языка и литературы и старшеклассникам, но несомненно вызовет интерес и у более широкого круга читателей.

АНАТОЛИЙ МИКУШЕВ
(Сыктывкар)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.2.12>

Ю. С. Юфкин, Модели простого повествовательного глагольного предложения в мокшанском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1985.

29 апреля 1985 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации Ю. С. Юфкина «Модели простого повествовательного глагольного предложения в мокшанском языке». Работа выполнена под руководством академика АН ЭССР П. Аристэ. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин) и кандидат филологических наук Н. С. Алякин (Саранск).

Ю. С. Юфкин рассматривает сочетательные возможности мокшанского глагола и на основе валентных связей финитного глагола выявляет основные струк-

турные схемы простого повествовательного глагольного предложения мокшанского языка. Актуальность темы не вызывает сомнений: синтаксис был и пока остается наименее изученной лингвистической дисциплиной финно-угорских, в том числе мордовских, языков. Вообще, до сих пор в финно-угроведении должное внимание на валентные свойства глаголов и соответствующие структурные модели предложений обращалось только в эстонском языке (докторская диссертация Х. Рятсепа, 1974 г.), так что работа Юфкина является вторым монографическим исследованием одного из финно-угорских языков в данном аспекте; впрочем, реальные достиже-

ния в этой важной области редки и в мировой лингвистике. Исследования такого плана в результате дают классификацию (модели) простых предложений конкретного языка в морфологических терминах. В этом заключена и общая новизна рецензируемого труда. Однако научная ценность подобных работ этим далеко не ограничивается: на основе установленных моделей можно, с одной стороны, определить для каждого глагола множество структурных моделей, в которые он входит и, с другой, установить вполне естественную классификацию для каждого члена предложения, служащего ректантом глагола-сказуемого. Рассматриваемое исследование имеет определенные результаты и в этом плане: в приложении представлены перечни установленных моделей для почти 600 мокшанских глаголов.

Работа имеет объем 211 машинописных страниц и состоит из оглавления (2 с.), введения (9 с.), трех глав (33+31+107=171 с.), заключения (13 с.), списка использованной литературы (18 с.) и приложения (10 с.).

Введение содержит характеристику темы, формулировку цели, определение места работы в мокшанском языкознании, необходимые данные об анализируемом материале (автор весьма оправданно адаптировал часть материала, а часть предложений составил сам), общие сведения об используемых методах и аннотацию.

В главе I («Теоретические основы исследования») приводятся взгляды разных авторов на такие основные понятия, как предложение, предикативность, модель, структурная схема, валентность, управление, облигаторность, факультативность, причем автор демонстрирует не только хорошее понимание общих проблем, но и отличное знание основных и немаловажных достижений эстонской и финской лингвистики в изучаемой области. Правда, рецензент не согласен с унаследованным из «Русской грамматики» (т. 2. Синтаксис, Москва 1980, с. 85—86) пониманием предикативности — предикативность никак не может быть значением чего-нибудь («структурной схемы простого предложения», с. 15), а является, в зависимости от трактовки, отношением или операцией. Кроме того, при хорошем обзоре взглядов разных авторов на валентность, не совсем ясно, что в работе понимается под валент-

ностью. Представляется, что валентность Юфкина идентична валентности Г. Хельбига и числу мест Х. Рятсепа. А в главе III предложения делятся на нульместные, одноместные и т. д.; в таком случае термин валентность вообще оказывается ненужным. Но и понятие места, хотя и понятно, сформулировано не ясно. Несмотря на эти нечеткости формального плана, подход автора к дискутируемым проблемам весьма здрав, он сумел выбрать из множества противоречивых идей наиболее подходящие. Вкратце сущность общей концепции автора следующая. Элементарной схемой (моделью) предложения является его нераспространенная структура, в которой все элементы обязательны. Обязательность элементов в предложении обусловлена спрягаемой формой глагола. В связи с этим все распространители глагола подразделяются на обязательные и факультативные. Как таковая, эта концепция идентична концепции Х. Рятсепа; однако эта идентичность ничуть не означает подражания в деталях.

Глава II («Методика построения моделей простого повествовательного глагольного предложения») посвящена двум важным центрам проблем: редуцированию предложений к ориентированным на глагол простым предложениям и установлению субституционных классов. Вся эта проблематика тесно связана со спецификой мордовских языков. Последние выделяются среди финно-угорских языков наличием субъектно-объектного спряжения, ср. *васьфтсмак* 'ты меня встретишь', и т. н. спряжением имени и наречий, ср. *седисонзолень* 'я был у него (нее) на сердце'. Не совсем понятно, как поступает автор с предложениями, имеющими в качестве сказуемого глагол субъектно-объектного спряжения, но согласно ему, каждая морфема, входящая в состав конструкции типа *седисонзолень*, «выступает в значении, соответствующем лексически значению отдельно оформленного слова, и все предложение может быть выражено лексически, например: *Мон улень сонь седисонза*»; он рассматривает «такого рода конструкции только в аналитической форме» (с. 47). Решение прямолинейно и, наверно, основывается на том, что все такие глаголы вторичны, образованы во вполне определенных условиях от определенных аналитических конструкций, имеющих как

раз элементарную схему предложения. Однако ради полноты исследования было бы целесообразно выяснение этих схем и условий.

Само редуцирование предложений к ориентированным на глагол простым предложениям включает два этапа: 1) устранение всех второстепенных распространителей глагола вместе с их распространителями и 2) устранение т. н. свободных распространителей, т. е. тех распространителей первого порядка, которые хотя и зависят от глагола, но наличие и форма которых глаголом не обуславливаются. Правда, мне представляется, что при определении второго этапа нельзя ничего утверждать о форме свободных распространителей. Точнее: хотя наличие свободных распространителей не обусловлено глаголом, выбор класса распространителей все же глаголом обусловлен, а класс распространителей в общем определяет форму распространителей. Например, можно *спать в купе на полке* и можно *есть в купе с тарелки*, но не **спать с полки* и **есть на тарелке*. Конечно, это замечание не меняет сути процедуры.

Кроме необходимых данных о методике анализа, в главе выделены обязательные элементы элементарных предложений мокшанского языка: классы слов, классы форм и субституционные классы связанных и свободных распространителей. Примечательно, что в общем установленные автором классы довольно близки соответствующим классам эстонского языка, выделенным Х. Рятсепом.

Глава III («Элементарные предложения мокшанского языка») представляет собой основную часть работы — классификацию элементарных предложений. Элементарные предложения делятся на пять типов: 1) нульместные, 2) одноместные (7 структурных схем), 3) двухместные (98 структурных схем), 4) трехместные (69 структурных схем), 5) четырехместные (3 структурные схемы). Впрочем, часть структурных схем имеет дизъюнктивные элементы, т. е. они не являются элементарными в строгом смысле. Автором выявлено всего двухместных элементарных предложений 112, трехместных — 81, четырехместных — 7.

Отдельно от обычных в определенном смысле предложений рассмотрены элементарные предложения с вторичной

формой (4 одноместные, 4 двухместные, 8 трехместных, 2 четырехместные структурные схемы) и элементарные предложения с вторичным предложением или высказыванием (1 одноместная, 10 двухместных, 4 трехместные и 2 четырехместные структурные схемы).

Следует отметить, что Ю. С. Юфкин удачно упростил структурные схемы (т. е. формулы) элементарных предложений по сравнению со схемами в монографии Х. Рятсепы; кроме того, он вполне оправданно не обращает внимания на распространители, не принадлежащие к схеме. Все же можно было бы унифицировать сокращения генитива и номинатива, например, в схеме $N^1 \text{nom } V \text{ } N^2 \text{ } \text{ng}$ — номинатив то *поп*, то *п*, и смелее пользоваться сложением сокращений (напр. схему $N \text{nom } \text{pl } V$ не только короче, но даже и правильнее передать как $N \text{pl } V$, так как она отражает предложения из двух единиц: существительное в номинативе множественного числа и глагол).

Закключение содержит, кроме собственных выводов, интересные и полезные сведения о соотношении глаголов и элементарных предложений, о наиболее характерных формальных свойствах двух- и трехместных элементарных предложений, о порядке слов в предложении, о выражении субъекта действия в схемах с вторичной глагольной формой.

Итак, работа Ю. С. Юфкина представляет собой законченное исследование и является серьезным вкладом в изучение синтаксиса мокшанского и вообще мордовских языков. В ней удачно применены новейшие достижения в соответствующей области общего и финно-угорского языкознания и образцово выявлены элементарные предложения мокшанского языка. Вполне возможно, что кому-нибудь из мокшан удастся обнаружить дополнительно элементарные предложения или оспорить некоторые из представленных в работе; это даже желательно, так как инвентари грамматически приемлемых предложений у разных говорящих различны. В любом случае работа Ю. С. Юфкина создает новое перспективное направление в изучении мордовских языков и практически представляет собой решение его ключевых проблем для мокшанского языка.

ТИИТ-РЕИН ВИИТСО (Таллин)